

ЛИТЕРАТУРА

1. Корнеев М. Я. Африканские мыслители XX века. С. – Петербург, 1996. – 140с.

2. Мариго Сейду. Территориальные особенности этнодемографического развития Республики Мали: автореф. дис.... канд. географ. наук. – С. – Петербург, 2006. – 20с.

3. Усман Талибуна Гаку. Социально – исторические основы концепции негритуада. //Вест. Москов. универ. Сер. 7. Философия. 1985 – №1, С.45 -53.

***Дергаус И.Н.* Что больше влияет на наши социальные практики: ценностные идеалы культуры (М. Вебер) или этос культуры (А. Суидлер)?**

В своей работе я собираюсь сравнить точки зрения М. Вебера и А. Суидлера на роль культуры в определении социальных действий. Проблема заключается в том, что М. Вебер в описании культуры видит в основном ценностное измерение и в своих исследованиях в пику марксистскому материализму попытался показать, как ценностные представления (а не только материальные интересы и экономическое развитие) способны вызвать радикальные трансформации в социальной жизни. Эту позицию немецкий социолог представил в своей ключевой работе «Протестантская этика и дух капитализма», аргументация которой кажется очень убедительной.

Но в статье А. Суидлера «Culture in Action: Symbols and Strategies» предлагается альтернативное объяснение появления духа капитализма из религиозных представлений протестантизма. Здесь уже влияние культуры на социальное поведение понимается в ее способности предлагать определенные стратегии действия и стили поведения, без которых люди не смогли бы жить. Этот набор символических форм, не выводимых из высших ценностей, можно также обозначить термином «этос» (ethos), который употребляется как синоним для жизненного стиля или способа организации действия (см. Swidler, p. 276, 280-281). Соответственно, британский

социолог демонстрирует, как тот же дух капитализма произрастал из необходимости оправдания определенных моделей поведения, ради которого и изобретались новые ценности.

Отсюда и возникает интересный вопрос, как же на самом деле культура формирует и изменяет нас: через влияние высших идеалов или через усвоение готовых сценариев для действия?

Одно из ключевых положений теории Вебера – это то, что идеи, ценности, убеждения, мировоззрения играют важную самостоятельную роль для социального действия. Последнее не определяется лишь на основании материальных факторов (специфики способа экономического производства и классового господства), как полагал Маркс. Поэтому Вебер уделяет много внимания влиянию культурных символов, чтобы исправить односторонность марксистской теории. Что касается понятия культуры, то она определяется как сфера, дающая нам смыслы, способы интерпретации мира и ценности, на которые индивид ориентируется в своем действии.

В своей работе «Протестантская этика и дух капитализма» немецкий социолог пытается показать, что капитализм не следует понимать только на основании таких социальных факторов как новые способы экономического обмена, отделение предприятия от домашнего хозяйства, наличие рынка свободного труда, рационального права, использование новых технологий. Говоря религиозным языком, у капитализма есть не только тело, но и душа или дух. Т.е. у человека капиталистического общества есть ценностные идеалы и для него характерен определенный этический стиль жизни.

Что касается содержания высших ценностей капитализма, то они определяют этику добропорядочного кредитоспособного профессионала, главная заповедь для которого выполнение профессионального призвания: рационально и успешно трудиться в рамках выбранной профессии. Соответственно, для человека капиталистического общества характерен жизненный стиль, представляющий собой хозяйствование на основе рационального производства и мирного предпринимательства. Конкретные черты этой модели поведения Вебер фиксирует на основе проповеди Б. Франклина.

Главная цель – это постоянное увеличение своих капиталов и богатств на основе постоянного и рационального труда. Здесь главное не забывать, что «время – это деньги», а деньги способны порождать еще больше денег. В таком случае иррациональная трата капиталов и своего времени становится моральным злом. Как говорит Франклин, «тот, кто изводит одну монету в пять шиллингов, убивает (!) все, что она могла бы произвести: целые колонны фунтов» (Вебер, стр. 72).

При этом подобное отношение к труду и накоплению капиталов никак не связано с обманом, надувательством другого человека, но предполагает наличие таких черт характера как аккуратность, пунктуальность, честность и справедливость.

Наконец, накопительная практика является самоцелью: человек должен зарабатывать много денег не для того, чтобы их потратить на свои наслаждения, а для того, чтобы производить еще больше капиталов и так до бесконечности. Поэтому для жизненного стиля истинного капиталиста характерно отсутствие показного расточительства и покупка ненужной роскоши. Капиталиста отличает скромность и аскетичность. Одна из немногих радостей в его жизни возможна, например, «от сознания того, что при его участии многим людям «дана работа», что он содействовал экономическому «процветанию» родного города в том ориентированном на количественный рост населения и торговли смысле, который капитализм вкладывает в понятие процветания» (Вебер, стр. 94).

Далее, Вебер отмечает, что подобная этика не производится от материальных причин, но сама способна изменять материальный мир. До эпохи капитализма люди жили согласно духу традиционализма, который требовал производить лишь столько, сколько нужно для поддержания жизни. Появления новых способов производства, позволяющих накапливать капиталы, ничего бы не изменило в жизни людей, если бы у них остался этот традиционный взгляд на мир. Необходима была новая этика, которая бы запустила функционирование капиталистического хозяйства. При этом формирование новой этики происходила из протестантских религиозных представлений.

Особую роль здесь сыграли идеи кальвинизма, согласно которым 1) есть Бог, который непостижим для человеческого

разума. 2) Этот Бог создал бранный мир во имя своей славы. 3) Обязанность человека как конечного и греховного существа – постоянно трудиться и приумножать богатства мира во имя Бога. 4) При этом уже предопределено, кто будет духовно спасен и кто погибнет. И этот факт не исправить молитвами, добрыми поступками и другими мистическими и магическими ухищрениями. 5) Однако всё-таки можно до конца мира выяснить «избран ли я?». И знаком возможного спасения является профессиональный успех в деле накопления богатств и капиталов.

Таким образом, по Веберу получается, что сначала были сформулированы высшие символические представления о действительности, которые смогли оправдать определенный тип поведения и хозяйствования. Вот так из ценностных представлений и возникли жизненные стили человека капиталистического общества.

Однако как бы не убедительно звучали рассуждения Вебера, все-таки его схему объяснения следует поставить под вопрос. Если жизненный этос возникает из сферы идеалов, то как объяснить тот факт, что модели капиталистического поведения были приняты в таких странах как Япония, у которой совершенно иная религия и иные представления о высших ценностях. Также важно то обстоятельство, что уже в эпоху Вебера протестантские идеалы перестали быть убедительными для всех. Получается, что сфера высших ценностей утратила свое значение, а возникшие из них стратегии действия продолжают существовать. Как это возможно?

Чтобы решить эту проблему обратимся к концепции Суидлер. Она подвергает критике представления о культуре, которые сводят ее понимание лишь к сфере высших ценностей. Такой подход, который признает действующими социальными факторами лишь интересы и высшие идеалы, оказывается недостаточным. Во-первых, в ситуации перемен и нестабильности общие ценностные представления об успешной жизни оказываются мало пригодными для того, чтобы определить конкретные формы действия. Например, если в качестве одного из идеалов признается создание семьи, то из этого все равно непонятно, как создавать семью: через церковный брак, через регистрацию в госучреждениях или просто жить вместе неформальным образом.

Во-вторых, имеется большое количество эмпирических примеров, когда социальное действие происходит таким образом,

что ценности приспосабливают к конкретным ритуальным действиям, а не наоборот: на основании новых идеалов изобретают новую совокупность привычек и церемоний. Такое приспособление менее затратно, чем изобретение новых ритуалов. Например, многие семьи продолжают сегодня праздновать христианские праздники (Рождество, Пасха) и ходить в церковь, не испытывая при этом глубоких религиозных чувств. Такие действия важны для укрепления взаимосвязей в кругу семьи. Для этого привычные обряды наделяются новым смыслом и начинают обслуживать новые ценности.

Не отрицая значения ценностных идеалов, Суидлер предлагает понимать под культурой публично доступный репертуар символических форм, благодаря которым индивиды обретают смысл и способность к социальному действию. Таковыми символическими ресурсами являются язык, убеждения, рассказы и истории, ритуалы и церемонии, способы коммуникации (распространение слухов) и т.п. В таком случае культура имеет первостепенное значение в предоставлении ресурсов для создания определенных форм поведения (стратегий действия).

Это позволяет по-другому взглянуть на формирования духа капитализма. В противовес веберовской интерпретации (идеи о предопределении и необходимости проверки своего избранничества привели к созданию рациональной и методической форме поведения, противопоставленного фаталистическому смирению и иррациональному гедонизму) Суидлер с опорой на работу «*Revolution of the Saints*» (автор – Michael Walzer) предлагает иную версию понимания. Кальвин не открыл для себя сначала идею о предопределении человека, но приспособил ее для оправдания такого жизненного стиля как «этос методического самоконтроля» (Swidler, p. 280). То есть сначала была потребность в том, чтобы люди реализовывали определенную стратегию действия, для оправдания которой и были задействованы указанные идеалы.

Такая логика рассуждения кажется оправданной. Ведь с раннего детства мы не усваиваем, кем мы должны быть согласно высшим ценностям, а усваиваем в зависимости от возраста, пола и других факторов конкретные способы действия, которые потом оправдываем ссылкой на какую-нибудь ценность (автономия, самореализация, справедливость). Но тем не менее это вторичная

ценностная легитимация не просто оправдывает устоявшиеся манеры поведения, но способна частично изменить прежний жизненный стиль.

Например, насколько я понимаю, такие модели действия как аскетизм и методический самоконтроль уже существовали в эпоху Кальвина, но их новое оправдания со стороны Кальвина привело к тому, что хозяйственная деятельность трансформировалась от духа традиционализма к духу капитализма. То есть, культура как сфера высших ценностей и как репертуар стратегий одинаково важна для наших практик и эти сферы взаимно влияют друг на друга, а не так, что одна сфера в одностороннем порядке порождает другую.

Литература

1. Вебер, Макс. 1990. «Протестантская этика и дух капитализма» в Избранные произведения. Москва: Прогресс.

2. Swidler, Ann. “Culture in Action: Symbols and Strategies” in American Sociological Review. 51: 2, pp. 273-286

***Дождикова Р.Н.* Категорический императив И. Канта и его истоки на Западе и Востоке**

Некоторые проблемы являются вечными проблемами человеческого бытия – это проблемы моральных ценностей, императивов человеческой деятельности, поведения и общения, которые представляют собой социокод (В.С. Степин), передаваемый от поколения к поколению. В таком социокоде можно отнести и сформулированный И. Кантом категорический императив: «Поступай так, чтобы максима твоей воли могла в то же время иметь силу принципа всеобщего законодательства», который говорит о том, что «максима», то есть «субъективный принцип воления» может стать законом, то есть «объективным принципом воления» для всех, примером для подражания. Есть и более простые формулировки этого закона: «поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали в отношении тебя самого» и «человек – это всегда цель, а не средство».

Существуют определенные «переклички» между этическими идеями Канта и идеями древнегреческого философа Фалеса, с которого, по словам Э. Гуссерля, «возникает новое человечество – люди, которые профессионально создают философскую жизнь,